

1.

Он бежал. Бежал, задыхаясь и обливаясь потом. Жар, даже не жар, а огненно-жгучая волна сжигала кожу и сбивала дыхание! Мозг отказывался анализировать и просчитывать происходящее. Господи! – воздуха бы, воздуха свежего, ледяного, хоть глоточек! Что же это?! А?! Что же это?!

Корзину с грибами он давно бросил. Ещё у болота, в первые же секунды, когда всё это началось. Пока бежал, скинул с себя и куртку, затем рубашку, а майку – майку просто ключьями сорвал с тела. Но жар не отступал. На бегу сбросил сапоги, затем, путаясь в гачах и спотыкаясь, любимые свои энцефалитные штаны. А потом сил не осталось. Он рухнул на колени, на четвереньках дополз, доковылял до комля огромной ели, прижался к нему и обернулся. Вздохнул, словно всхлипнул, откинулся спиной на ствол и... умер...

Так его через несколько дней и нашли. Голого. Притулившегося спиной к могучей ели, с гримасой ужаса на лице. И что удивительно, совершенно не тронутого зверьми...

Вещи его вдоль болота собирали долго. От брошенной корзины с грибами до тела было более трёх километров.

Смерть всегда страшна. А непонятная смерть страшна вдвойне, втройне. Но здесь для местных страшно было и другое – такая смерть здесь была уже не первой. Знать сызнова богомерзкая тварь объявилась...

2.

Поплавок, до этого стоящий неподвижным столбиком, слегка притопился, затем высоко поднялся вверх и лёг набок. Резким коротким движением руки Лёха сделал подсечку. Лёгкое стекловолоконное удилице выгнулось дугой. Зазвенела, запела леска. Есть! Лёха попытался работать

катушкой, но рыба упёрлась и упорно не желала подниматься со дна. На какое-то мгновение показалось, что не сможет он стронуть рыбу с места. Или не выдержит леска. Хотя и новая, германская. Но тут же почувствовал, что сопротивление рыбы слегка ослабло. Не давая слабину леске, Лёха стал катушкой выбирать её. Рыба, сделав ещё несколько резких, из стороны в сторону, движений, взрезала верхним плавником гладь воды. Лещ.

Лёха ещё быстрее заработал катушкой, выводя леща на поверхность. Пусть хватанёт воздуха, тогда успокоится. И, правда, вынырнув раз-другой из воды, лещ, наглотавшись воздуха, успокоился. Лёг набок, и уже без всякого сопротивления позволил довести себя до берега. А там уж Лёха ловко подвёл под него подсачик и поднял леща над водой.

Лещ был хорош. Желтовато-золотистого цвета. С чёрной спиной. Килограмма на два. Ух-х, красавец! Лёха подплясывал от радости. И всё оглядывался – кому бы хвостануть?

Радость она хороша, когда ею делишься. Но берег был пуст.

Солнце постепенно прогревало утреннюю свежесть. Лес за рекой наполнялся гомоном и пересвистом птиц. Проснулся лёгкий ветерок, обозначая себя тонкой рябью над зеркальной гладью реки. Господи! Хорошо-то как!

Налюбовавшись вдоволь первым трофеем, Лёха сделал новый заброс. Клынуло почти сразу. Некрупная густёра. С её вываживанием проблем не было. Затем, подряд, попались ещё пяток таких же. И всё. Клёв, как обрезало. Поплавок уныло покачивался на лёгкой волне без всяких подёргиваний. Потом его облюбовали для отдыха две стрекозы. Посидев на нём, одна уступала место другой. Поплавок под их небольшим весом качался, но тонуть и не собирался. Лёха сначала на поплавок смотрел неотрывно, потом стал перекуривать, а дальше и вовсе задремал...

– Не клюёт?

Лёха встрепенулся. Чуть выше его, запуская в небо белые колечки сигаретного дыма, сидел мужик. В камуфляжной куртке, в болотных сапогах. Рядом лежали рыболовные снасти. Рыбак.

– Не клюёт, – Лёха не расположен был разговаривать.

– И у меня не клюёт, – мужик вздохнул: – День-то, какой! А рыба словно вымерла. За всё утро четыре мелких густёрочки.

– Может, вечером пойдёт... – Лёха достал из кармана пачку сигарет. Долго стучал ею по колену, пытаюсь выбить, чтобы не касаться фильтра грязными пальцами, сигарету. Наконец получилось. Перехватил за фильтр сигарету губами – прикурил. Хорошо. Солнце уже распалилось вовсю. Не тень бы от раскидистой ветлы – поджарился.

В садке ворохнулся лещ.

– Ничего себе! Кого ж это ты зацепил? – мужик удивлённо смотрел на расходящиеся по воде круги.

– Леща. Кило на два потянет, – Лёха не утерпел, похвастался.

– Да ну?! На что?

– На червя.

– Круто. Утром?

– Да. По свежаку. А потом так, пять-шесть густёрок, как у тебя. И тишина.

– Повезло, – мужик пригасил о корягу сигарету. – Закину?

– Закидывай. Всё одно не клюёт.

Мужик расположился метрах в трёх от Лёхи. Основательно расположился. Накидал-настрелял прикормки из большой рогатки. Снайпер, ити его

в коромысло. Вот ведь принесла нелёкая. Обустроил под обрывом большой многозвеньевой садок. Собрал подсачик. Закинул две удочки, укрепив их на металлических рогульках. И уселся на брезентовый стульчик.

Лёха смотрел на всё это с лёгким сарказмом. Богатый, видно, Буратино. Ишь, как у него всё – по науке. Не чета нам, Ивашкам сермяжным. Ну-ну, поглядим, чего этот Буратино выловит...

Поплавок Лёхиной удочки резко и полностью ушёл под воду. Натянулась леска, дёрнув удилице. Тонкий конец удилица коснулся воды, толстый подпрыгнул вверх. Лёха от неожиданности только в последний момент успел перехватить удилице рукой. Да так и застыл в полусогнутом состоянии. Ни катушкой, ни руками он не мог подтянуть леску. Что-то под водой держало её намертво. Леска звенела и гудела и тянула Лёху за собою в воду. Лёха отпустил тормоз катушки. Леска, свистя, понеслась под воду.

Со своего брезентового стульчика за Лёхиными страданиями, оторопело, округлившимися глазами глядел богатый Буратино.

Дзынь! Леска лопнула, как гнилая нитка. Только небольшой кусок её болтался на конце удилица.

– Ничего себе! Что это было?

– А я знаю?! – у Лёхи тряслись руки: – Полжизни здесь рыбачу, но тако-го...

У дальнего берега раздался звонкий шлепок, и пошли большие круги по воде. Потом что-то тёмное взметнулось у камышей и ещё раз ударило по воде.

– Сом. Его шуточки. Ишь, психует. Хвостом бьёт. Вот гад, чуть заикой не сделал. Какого чёрта ему мой червяк понадобился, жрать больше нечего? Такие снасти оборвал!

– И что, много здесь сомов?

– Я что – считал их?!

– Извини. Не подумавши. Ловят их тут?

– Ловят. Только не я. Снасти другие нужны. И лучше с лодки. На квок. Да и не любитель я сомятины. Жирная.

Лёху трясло. Жалко было и снасти. И упущенную рыбу. И вообще, чего этот Буратино припёрся сюда?! Много здесь сомов, не много? Какая разница! Вон нашёлся один придурочный и нервы, и снасти в ключья порвал!

Лёха был расстроен. Сильно расстроен. А? Какой день! И такой облом! У-у-у, сомяра!

Отпускало потихоньку. Нервно покуривая, Лёха приходил в себя. Чего случилось-то? Классный день. Леца какого выволок. Мелочи на жарёху. Сом на руке почувствовал. Впечатлений полон короб – чего психовать-то? Да и мужик тут ни при чём. Даже лучше, что свидетель. А так будешь рассказывать – и не поверят. Треплом назовут. А здесь – свидетель есть. Сослаться можно. Как его, мужика-то, зовут-то?

– Слышь, сосед, познакомимся, может? Меня Лёхой зовут. Можно Леонидом. Нет, так Леонидом Петровичем. Или по фамилии – Сарнов. По-всякому можно.

– Валерий. Можно Валера. На рыбалке-охоте без отчества как-то проще.

– Ну, проще, так проще. С города?

– С него.

– Просто порыбалить, или на лето к кому?

– И порыбалить, и на лето. В Селеванкино, у Фадеича живу. Уж второй год приезжаю.

– У Фадеича? Мартынова? Интересно получается. Фадеич ведь дядька мой троюродный. Видимся часто. А про приезжих ни слова, ни полслова. Интересно. Вот конспиратор старый!

– Я уж у него вторую неделю. Да и здесь, на рыбалке не первый раз.

Помолчали. Пели птицы. Где-то рядом гудел шмель да трещали кузнечики. Поплавки стояли не шелохнувшись.

– Да-а, Лёнь, не клюёт. Ты – как?

– Что – как?

– Да есть у меня маленько с собой. Ты как, Лёха, не против?

– Я-то? Да я после этого сома – сколько угодно не против. Хоть маленько, хоть не маленько.

Валерий сноровисто распотрошил свой рюкзак. Там к «маленьку» всё нашлось. И лучок, и колбаска, и хлебушек с сыром. Да и «маленько» оказалось пузатой поллитровочкой с какими-то ярлыками и наклейками.

– Богато живёшь, Валера.

– Да уж, не бедствуем. Ну, давай, за знакомство.

После второй Лёху отпустило. Жизнь снова наполнилась яркими красками. И Лёха уже со смехом показывал, какие глаза были у Валерия, когда Лёха с сомом в перетяг игрался.

3.

– **В**ремя ныне поганое. Люди по кругу всё более неадекватные – сами не живут, но объясняют, как нужно жить. С утра до ночи талдычат дуракам нам, что жили мы не так, любили – не тех, не за того кого нужно воевали и страну не ту построили. А все вокруг дружно прозревают и кивают в лад объясняльщикам – правильно, правильно, так нам и надо, уродам... Только я вот староват для прозрения, катаракта у меня. Да и мазохизмом не любитель я заниматься, с детства не обучен, без таланта я к этому делу. Вот и обходят меня все господа-товарищи из органов переписи истории стороной, видать чувят, суки, по морде моего лица, что есть у меня в запасе аргумент не перебиваемый – кулак мой пудовый. Не зря я всю жизнь в кузне отработал...

Фадеич, Николай Фадеевич Мартынов, дядька Лёхин, разливая гостям уху по тарелкам, выказывал своё недовольство последними новостями, коих наслушался за день из телевизора:

– Жизнь по частям не отвешивают. Дают один раз и цельным куском. А тут уж, какой кому достанется – кому большой и наваристый, а кому маленький и тухлый. К бабке не ходи – этим переписчикам тухлый кусок достался. Как и полагается всякому шакалу. Ещё пророк Мухаммед говорил: «Каждый предатель мечен. И по этой метке он будет узан в Судный день». Так вот, на этих открывателях наших глаз уже и отметин ставить некуда. Проклято их племя.

Валерий при упоминании Мухаммеда удивлённо перебил Фадеича:

– Николай Фадеич, вы что же, правоверный мусульманин?!

Мартынов поперхнулся:

– С какого такого ляду? Христианин я. Нашей православной веры. Крещён ещё во младенчестве. И веры своей не менял и менять не собираюсь. А если ты про слова пророка, так умные слова не только христиане говорят. И иных вер люди не глупые. Мудрость, она от веры не зависит. Так я думаю... Ну, вы это, слушать-то меня слушайте, а про уху не забывайте. Давайте, чего

самогон-то в рюмках киснет. С хорошей рыбалкой вас, мужики, а тебя Лёха и со свиданьем, значит.

Уху Фадеич сварганил богатую. Юшка плавилась желтоватым жирком, выбранная из неё рыба лежала на отдельной глубокой тарелке и, остывая, дымила. Запах по избе плыл умопомрачительный. Приняв, мужики усиленно заработали ложками.

А после третьей рюмки, да второй добавки Фадеич душой подобрел, помягчал – о превратностях любви заговорил:

– Часто слышать можно, что от людей в разговоре, что в книгах-газетах, да что говорить – песни об этом поют! – мол, у лебедей всё как у людей – и пару они создают раз и на всю жизнь, и верные они в любви до смерти самой. Не могу сказать, что не верю, только вот смущает, что всё как у людей. А ведь у людей, как только не бывает: и раздоры, и разводы, и измены, и многожёнство, да чего только нет...

Ну да Бог с ними, с людьми-то, о лебедях хочу рассказать. Сочинять не буду, потому как случая этому сам свидетель.

Пару-тройку лет назад под самые майские праздники я с двумя друзьями на рыбалку наладился. К островам. Место там, у островов, рыбное, давно нами прикормленное. Приехали, снасти снарядили – пошло дело. Рыба брала и на червя, и на чёрный хлеб, но особенно хорошо на разваренную перловку. Если червя объедала и на крючок не садилась, то на перловку пустых забросов не было – садилась намертво, часто и на оба крючка сразу.

Солнце вошло в полную силу, стало припекать. Вот в это-то время стали за дальними островами звуки странные раздаваться – словно кто бельё мокрое встряхивал: «Вух-х-х, вух-х-х, вух-х-х...». Звуки необычные, откуда они и кто их издаёт – непонятно. А всё, что непонятно – страх вызывает, ну, может оно, и не страх, но настороженность точно.

Разрешилось всё в одно мгновение: из-за самой кромки дальних островов вылетели белые лебеди – трое. Летели низко, над самой водой. Это их сильные крылья с таким странным звуком на взмахе вспарывали воздух: «Вух-х-х, вух-х-х, вух-х-х...».

Когда этих птиц видишь в кино или в зоопарке – это одно, в природе – другое. Неимоверная красота и сила, и в то же время какая-то чистота и беззащитность. Первый лебедь что-то прокричал, и все трое, как по команде опустили на воду, долго тормозя выставленными вперёд лапами. Собрались они в кучку и стали извивать свои длинные шеи, и ими словно обнимать друг друга, при этом переговариваясь клёкотом.

Ни до, ни после я такой картины не видел, да и насколько я знаю, мои товарищи тоже. И тут в воздухе опять: «Вух-х-х, вух-х-х, вух-х-х». Четвёртый лебедь. Приводился и поплыл к первым трём лебедям. И тут произошло совсем уж неожиданное – вся троица возмущённо заклекотала и, вытянув свои длинные шеи, стала отгонять четвёртого прочь. Он тоже клекотал, но его клёкот казался жалким лепетом, а троица всё наседала и наседала на него. Потом все трое разом отвернулись от него и, разбежавшись по воде, тяжело поднялись в воздух. Оставленный что-то кричал им вслед. Взлетел он только тогда, когда над ним пролетела, также шумно взрезая воздух, стая из полутора десятка лебедей.

Клёв затих да, честно говоря, после всего увиденного, и рыбачить что-то расхотелось. Вышли мы с островка на коренной берег, соорудили костерок, закусь немудрёную, да под рюмочку-другую по-мужички и рассудили – видать

бросила любимая лебедя да к другому и ушла. У того, другого, гарем получается – а как по-иному скажешь? Вот профура! Точно – как у людей всё. И измены, и многожёнство...

Конечно, может, и не так у них там всё было, но чую, верно мы рассудили...

Валерий, задумчиво крутя меж пальцев пустую пузатую рюмку, вроде как сам для себя сказал:

– Грустная история. Как всегда, счастья на всех не хватило...

– Счастье – вещица редкая, как цветок сирени о пяти лепестках. Только не всем попадает такой цветок в руки, хотя всяк счастья хочет.

Во дворе залаяла собака, скрипнула калитка. Кто-то нетерпеливо постучал в оконное стекло.

Фадеич подошёл к окну и толкнул створку. В оконном проёме показалось взволнованное потное лицо соседки Зинаиды Кобылкиной.

– Ты, чего, Зин такая заполошенная? Гнались, что ль, за тобой? И чего под окном? – заходи в избу-то.

– Здоров, Николай. Там, это, Мишку Соловьёва нашли!

– И чего? Он что, терялся где?

– Ты, Фадеич, что – на Луне живёшь? Мишку-то, почитай, четыре дня искали!

– Ну, и нашли, и что?

– Как что?! Так мёртвый он!

– Мишка-а?!

– Ну!

– Так, а чего с ним случилось-то? Ты б Зинаида зашла, да по-людски всё и обсказала. Я ить и в правду – ни сном, ни духом о Мишке-то. Гости у меня. Лёха племяш в кои веки заглянул, да постоялец с городу. Заходи, заходи в избу-то, здесь всё и обскажешь.

– Да я тебе и отсель обскажу – за болотом Мишку нашли. Голого. К дереву притулился, так и сидит. А одёжка по всему лесу раскидана.

– Голого, говоришь? Опять значит, тварь объявилась?!

– Вот! И я об том же! Опять всё лето взаперти сидеть! Да за что ж нам проклятье-то такое?! – Зинаида зашмыгала носом и выгнала слезу на щёку.

– Так, а чего он за болотом-то делал?

– Так грибы ж пошли, вот он за ними и подался, да и покос посмотреть хотел.

– Вот и посмотрел.

– Так чего делать-то, Фадеич?!

– Чего, чего – не знаешь что ль чего? – петуха покупай! Вон, у Михеевых двое горластых. Чай, продадут по такому делу.

– Ой! – Зинаида взмахнула руками: – И вправду ведь! Эх, я курица безмозглая! Спасибо, Фадеич, надоумил. Ну, я побегла...

Фадеич притворил окно. Медленно и понуро-задумчиво вернулся к столу. С минуту посидел, не поднимая головы:

– Вот значит, и уха, вот такие значит, грибочки... Была уха, получились поминки... Ты это, Лёха, расплескай чего там есть, Мишку помянем. Хороший был мужик. Рукастый.

Не чокаясь выпили.

– Николай Фадеевич, – Валерку разбирало пьяное любопытство: – Что произошло-то? Кто помер-то? О какой твари речь?..

– Мишка Соловьёв помер. Тракторист наш. Да считай, не помер – убили Мишку. Мишка и работник – золотые руки, и рыбак, и грибник. А уж как на гармонии играл! Куда там Заволокиным! Ну, а кто? – змейка тут в наших краях водится. Мелкая, но пакостная. Прямо аспид. Ту змейку василиском кличут. Не часто встречается, а то б нам тут совсем житья не было. Яду в ней – страшное дело! – и дыхание огненное. Тем огнём любую живность убивает. Камни трескаются! Бывает, и люди от её жара пропадают. Откуда эта пакость берётся? Так известное дело – из яйца, снесённого петухом и жабой высиженным. Оттого у той змеи и гребень петушиный. По нему её и распознают. А сама она некрупная – в локоть будет. И не ползает она – прыгает. И летит, как белка-летяга. В лесу-то с ней сладу никакого, разве что только ласки боится – не берут эту зверушку яд василиска да жар его огненный. Ласке, что гадюка, что василиск – всё едино – вмиг им бошки откусывает. Ну, ещё крика петушиного василиск, как и всякая нечисть, боится. Так не станешь же петуха с собой по лесам да болотам таскать. Ещё примут за кого ни того, отмывайся потом. А вот во дворе у себя петух должен быть: случись близко тварь эта – петух поможет. Хотя кое-кто из наших, как тварь эта объявляется, таскает по лесу в рюкзаке с собой петуха. Тут уж не до смеху. Жить все хотят. Но в лесу против василиска зеркало с собой лучше иметь. Там, где слухи о василиске шелестят, лучшего берега и нет. Василиск только от своего же взгляда и гибнет. Главное, успеть зеркало ему в харю сунуть. А, нет – считай – аминь...

4.

Всё проходит. Отголосила Соловьёвская родня, провожая Мишку в последний путь. Не найдя ни малейшего криминала в Мишкиной смерти, разъехали районные следаки. Отсудачили сплетнями да версиями произошедшего местные знатоки. Мелькнул, да и испарился приезжий сумасшедший уфолог. Деревня снова впала в летнюю дрему...

– Ты бы это, Валерий, в лес-то не ходил бы. Два дня уж осталось до отъезда – не бередил бы ты мою душу. Я ведь вроде как ответственный за тебя. Случись что – с меня и спрос. Да и не в спросе дело, сам себя ведь, ежели что, казнить буду – не уберёт, – Фадеич, обматывая синей изолентой разошшуюся ручку корзины, вопрошающе заглядывал в глаза Валерки-отпускника. – Ну их, грибы эти – у себя там, за городом соберёшь. Наши-то в этом году никому и в рот не полезут.

– Николай Фадеевич, что вы так волнуетесь – сказки всё это про василиска, нет такой змеи на свете. Глупости это и предрассудки. Ведь чётко сказано в заключении о Мишкиной смерти – инфаркт. Как врач-то сказал – бывает что при приступе нечем людям дышать, задыхаются они, вот и срывают с себя одежду...

– Ага, до тросов...

– Ну, понятное дело, не до тросов, хотя ведь всякое может быть. Никого рядом не было.

– Во-о-от, и я говорю – всякое может быть. А раз может, поберечься бы нужно. Зачем на рожон лезть? Ведь не первая смерть-то такая у нас. Не каждый год, но через год – то один, то другой в лесу пропадает. Находят потом голого. И у всех инфаркт. А люди до этого на сердце-то не жаловались. Значит кто-то их до него, до инфаркта-то довёл?! Вот тебе и сказки.

– Фадеич, да я так, по-над болотцем в осинничке пробежусь, только на жару грибов гляну. А то от рыбы у меня уже изжога.

– Ну, смотри, дело хозяйское. Я предупредил. Только вот оберег возьми на крайняк, мало ли...

Валерка засмеялся:

– Петуха!? Ты что, Фадеич?!

Мартынов покачал головой:

– Дурашлёт! Как есть – дурашлёт. Всё хи-хи да ха-ха. Что-то Мишка-то в гробу без усмешки лежал. Тоже ни во что не верил. Вот – отхохотался. Царствие ему небесное. Зачем петуха, хотя петух тоже не помешал бы – видел я зеркало у тебя, ну бреешься перед которым, маленькое такое – возьми, много места не займёт, а мне да и тебе всё спокойнее...

– Ну, если только для вашего спокойствия...

Он бежал.

Бежал, задыхаясь и обливаясь потом. Жар, даже не жар, а огненно-жгучая волна сжигала кожу и сбивала дыхание! Мозг отказывался анализировать и просчитывать происходящее. Господи! – воздуха бы, воздуха свежего, ледяного, хоть глоточек! Что же это?! А?! Что же это?! На бегу сбросил куртку, затем начал срывать с себя рубашку, но никак не получалось – что-то твёрдое цеплялось за майку, и не давало стянуть рубашку с руки! Твёрдое?! Что твёрдое? Что может быть с собой твёрдое?! Зеркало?! Зеркало, зеркало, зеркало – что-то связанное с зеркалом пыталось пробиться в его мозг! Что, что?! Что – зеркало?! А-а-а! Разбуженная память пробилась сквозь ужас происходящего! Зеркало!!! Он не вытащил, он вырвал это зеркало вместе с карманом рубашки, и на бегу резко обернувшись назад, стал, не видя куда, тыкать маленьким зеркалом:

– На, сука! На, на!!! Гляди!!! Гляди, тварь! Гляди, тва-а-а-рь!!!

Тонкий свист, переходящий в вой, оглушил! Ему показалось, не выдержали перепонки, и что-то жарко-влажное потекло из ушей. Кровь? Валеру качнуло. Но зеркало он из руки не выпустил. Пот заливал глаза, кто или что свистело, Валера не видел. Раздался приглушённый хлопок, яркая вспышка! И всё...

И всё. Вязкая глубокая тишина. Мёртвая тишина.

Валера медленно опустился на землю. Его трясло, его колотило. Жар уходил. Разгорячённое тело стало зябнуть...

Раскачиваясь из стороны в сторону, он кутался в ошметки рубашки и почти беззвучно и монотонно шептал:

– Сука, сука, сука...

В полутора метрах от Валериных ног, на краю тропинки валялась голова небольшого змеи с вытекшими глазами и с наростом, похожим на петушинный гребень...

За болотом в деревне голосил какой-то заполошный петух...